

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нет покоя у вождей
Долгими ночами:
Очень трудно всех людей
Сделать сволочами!
Из фольклора

«Можно в деталях описать национал-социализм, сталинизм, их истоки и основания, но понять их невозможно – до такой степени то, во что они вылились, не соответствует европейской истории в новое время»^{887.1} Данное положение отечественного историка вызывает возражения. Понимать можно (и нужно) и это, и многое другое.

В Германии, как и в Италии, в период между двумя Мировыми войнами демократическая государственность оказалась под ударом со стороны противоправного по своей направленности массового тоталитарного движения, в котором сплелись демократические и антидемократические устремления. Это движение явилось одним из последствий эмансипации масс, перед которыми после бурных событий «Великой войны» открылись многочисленные варианты политического самоопределения и самоорганизации. Оказав тоталитарному движению значительную массовую поддержку, социум Германии и Италии пошел по ложному пути. Созданная в кризисной обстановке всеевропейской войны Веймарская республика, казалось бы, должна была погибнуть при первом же натиске блока правых сил, тяготевших к установлению диктатуры. Но благодаря более значительному правовому и демократическому опыту немецкого общества, общему уровню его культурного развития германская республиканская демократия оказала тоталитаризму гораздо более длительное и действенное сопротивление, нежели монархическая государственность Италии. Национал-социализму пришлось поначалу испытать серьезные поражения. У него было отнято десять лет, которых ему затем не хватило для полного одурманивания социума. Однако глубокие разногласия, царившие между сторонниками демократии, а также между республиканцами и монархистами, протестантами и католиками, в конечном счете оказались на руку национал-социалистам. Проявив незаурядную волю к победе, они на редкость искусно воспользовались ущемлением гос-

¹ О.Ю.Пленков. Указ. соч.

ударственного суверенитета Германии после проигранной войны 1914-1918 годов.

Затративший на приход к власти гораздо больше времени и энергии, нежели итальянский фашизм, германский национал-социализм оказался лучше подготовленным к государственному управлению экономическим развитием страны и социальными процессами в немецком обществе. Национал-социалисты значительно искуснее, чем итальянские фашисты, подчиняли себе большинство старых и новых социальных сил. У НСДАП не было сдержек и противовесов в лице монархических институтов и папского престола. Практические достижения национал-социалистического государства были поэтому гораздо больше, нежели италофашистского. Гамма его управленческих приоритетов рейха оказалась шире. И в реализации приоритетов нацизм добился гораздо большего, чем итальянский фашизм.

«После 1933 года сотни тысяч крестьян, рабочих, служащих впервые почувствовали, что их понимают и воспринимают всерьез. Когда еще в немецкой истории народу так громогласно уделялось столько внимания и социальной заботы? Когда еще государство так широко определяло сферу своей ответственности за судьбу индивида? Когда еще отдельному человеку предлагалось столько шансов участия? Разве не открылся перед ним путь к жизни в эмансипированном массовом обществе, в котором достижения значили больше, чем происхождение, а пугающая сложность индустриальной цивилизации компенсировалась твердым порядком, ясными образами врагов и простотой оценок?» - резонно спрашивает один из современных западных исследователей, отрицательно относящийся к любой диктатуре.²

К началу Второй Мировой войны германская национал-социалистическая диктатура не успела растратить накопленных во время пребывания в оппозиции и в первые шесть лет правления обширных социально-политических и психологических ресурсов. Напротив, на рубеже 1930-х и 1940-х годов германское тоталитарное однопартийное государство находилось в расцвете сил, а его вожди – в зените популярности. Нацизму удалось настолько сцементировать основные сегменты социума, что в обстановке несомненного кризиса пар-

² Н.Фрай. Указ. соч. с.162, 164.

тийно-государственных «верхов» в 1943-1945 годах чего-либо похожего на «повышение активности низов», имевшее место в Италии, в Германии вплоть до военного разгрома диктатуры не последовало. «Попытки вбить клин между господином Гитлером и немецким народом обречены на неудачу», - констатировал в годы войны нашедший пристанище за океаном Ф.Ньюмен.³ Его прогноз оправдался. Отчуждение германского социума от режима выражалось в латентных формах. В массовом сознании германского общества с 1943 г. господствовали все более отчетливо выраженные пассивность и стремление уйти от ответственности. Во многом эти качества переходили в подлинное нравственное оупение.

Правда, внутренняя прочность национал-социалистического диктаторского государства все же медленно шла на убыль в связи с его неудачами, а затем и подлинными провалами во внешней политике и в руководстве вооруженной борьбой во время Второй Мировой войны. Несомненно, в этом отношении судьба германских нацистов и итальянских фашистов была сходной. Те и другие проявили себя гибкими и находчивыми политическими тактиками, но неважными стратегами. Механику социально-психологического лавирования внутри страны, способы нейтрализации политической оппозиции они освоили значительно лучше, нежели лабиринты внешнеполитического курса. Пренебрежение интеллектуалами отомстило за себя. Однако ослабление германской диктатуры не находилась в прямой пропорции к ее поражениям на полях сражений, тогда как в Италии эта пропорциональность не вызывала сомнений. Национал-социалистическая партия, вовремя очищенная диктатором и его карательными службами от оппозиционных и подозрительных элементов, вплоть до «нулевого часа» оставалась одним из инструментов тоталитарной власти, сосредоточенной в руках малочисленной и все более сужавшейся группы индивидуумов. То же самое приходится сказать и о поведении преобладающей части германских вооруженных сил.

Итальянские же вооруженные силы вышли из повиновения диктатору. Вызревший в их недрах заговор против фашистской диктатуры увенчался успехом. У

³ F. Neumann. Op.cit. P. 250.

итальянского общества даже в военное время хватило сил не только отстранить от власти диктатора, но и нейтрализовать массовую тоталитарную партию, которую тот возглавлял, и в головоломной (другого определения не подобрать) обстановке двусторонней иностранной оккупации приступить к демократическому самообновлению. Непосредственные исполнители переворота 25 июля 1943 года после его успеха вступили в правительственную коалицию с другими, причем на редкость разнородными общественными силами, так или иначе и по различным причинам противостоявшими диктатуре. Опыт социально-политических компромиссов, оставленный Кавуром, Гарибальди и Джо-

литти, несмотря на изменившиеся исторические условия, был востребован и обогащен.

Преодоление переходным правительством Италии огромного комплекса внутренних трудностей на этом пути следует считать образцовым. Германия же была освобождена от тоталитарной диктатуры только наступлением внешнего противника - армий Объединенных Наций, а не внутренними общественными силами.

Тем не менее было бы ошибочно утверждать, что перспектив демократического самообновления Германии вовсе не существовало. Меньшая часть немецкого общества в лице отдельных его сегментов сохранила и в трудных условиях развила правовое и демократическое наследие западной цивилизации, в том числе наследие юридически так и не уничтоженной до конца нацистами парадигмы Веймарского республиканского государства. Наиболее убедительным свидетельством этого являются различные формы и средства пассивного и активного Сопротивления, в том числе разветвленный, отличавшийся уникальной социально-культурной базой заговор 20 июля 1944 года.

Политическая гамма «июльского заговора» против фюрера была гораздо многообразнее, чем у заговора, составленного против дуче итальянцами в 1943 году. В этом аспекте немецкого Сопротивления мы видим контуры немислимого ранее (в данной стране) сотрудничества старых и новых социальных сил, антагонистических в обычное время общественных элементов с разнонаправленными мировоззренческими ориентациями.

Заговор против гитлеровской диктатуры фактически

был коалицией не менее чем двух блоков, каждый из которых в свою очередь отличался внутренней неоднородностью. Один из блоков включал в себя левоцентристов космополитической и пацифистской ориентации - либералов и социал-демократов. В большинстве они были агностиками или атеистами, свободными от религиозного мировоззрения. Другой блок состоял из личностей правоцентристского толка - политизированных национал-консерваторов и аполитичных поначалу кадровых военных. Во втором блоке было заметно участие и вклад последователей христианской религии - практикующих католиков и протестантов.

Германское офицерство поначалу было всецело солидарно со своими прежними политическими менторами – идейными консерваторами из помещичьих и чиновных кругов. Однако позже часть оппозиционно настроенного к диктатуре офицерства стала впитывать некоторые положения политического либерализма и даже социальной демократии в ее умеренном варианте.⁴

Связи одних германских заговорщиков с коммунистическим подпольем, а других – с идейными монархистами позволяют ставить вопрос о продолжении развития в 1940-х годах в недрах германского гражданского общества традиций политической терпимости и демократии. Такие традиции были выработаны в свое время, хотя и в недостаточном количестве, социумом Второго рейха и существенно окрепли в годы Республики. Тесные рамки «монолитной» тоталитарной диктатуры не помешали этому процессу, а репрессии ускорили его. В то же время нет нужды доказывать, что созданный национал-социалистами механизм тоталитарного государства устоял против движения Сопротивления. Национал-социалистическая однопартийная диктатура нанесла германскому обществу тяжелейшие политические, демографические и нравственно-психологические травмы. Они нашли проявление в

⁴ Участие в германском Сопротивлении некоторых групп армейского социума, который в германоязычном мире издавна отличался законопослушанием и политической индифферентностью, долгое время казалось общественности и даже дипломированным специалистам чем-то невероятным, парадоксальным. Но следует помнить, что человеческую историю движут вперед парадоксальные, а не линейные ситуации.

трудном и затянувшемся во времени преодолении германским социумом наследия этой диктатуры. Но даже тоталитарный государственный строй оказался неспособным полностью прекратить действие выработанных социумом ранее правовых и гуманистических традиций за весьма ограниченное во времени существование Третьего рейха.

Часто звучащий во многих странах аргумент «История не дала им (нам) времени» может быть отнесен к 12-летней диктатуре Гитлера в гораздо большей степени и с гораздо большим основанием, нежели ко многим другим режимам современной эпохи. Целесообразно напомнить, что, например, диктатура А.Пиночета в Чили длилась 16 лет, К.Ататюрка в Турции – 17, Б.Муссолини в Италии - 22 года, Мао в Китае - 27 лет, а диктатура Ф.Франко в Испании - 36 лет.

Провал трех имевших место в Германии заговоров - 1920, 1923 и 1944 годов имел общую коренную причину - недостаточность социальной базы заговорщиков. Но заговорщики, выступившие против Республики в 1920 и 1923 годах, были побеждены полностью. Их намерения не были воплощены в жизнь. А проигравшие и большей частью физически истребленные «июльские деятели» 1944 года оказались сильнее победившей их тоталитарной диктатуры. Они не только оказали более чем достойное сопротивление карательной машине Третьего рейха, но и своей кровью начертали парадигму современного германского конституционного государства - ФРГ, существующего уже свыше половины столетия. Национал-социалистическая диктатура не могла не оставить глубокого следа в истории Европы и всего человечества. Однако ее существование, рассчитанное ее создателями на многие века, так и не стало исторически продолжительным.

Диктаторский режим национал-социалистов функционировал на два года меньше, чем существовала «слабая» Веймарская Республика, и на десять лет меньше, чем итальянская фашистская диктатура, что, конечно, приходится объяснять не только причинами военного порядка.

Глубинные корни недолговечности политико-государственного режима, установленного НСДАП, уходят в стихийное отторжение не только германским, но и всем европейским социумом противоправного и антидемократического режима, образовавшегося в цен-

тре континента – колыбели современной цивилизации. И мы не только чувствуем, но и знаем, что сила этого всецело неорганизованного и нескоординированного отторжения была, к счастью человечества, такова, что далеко не все звериные распоряжения диктатора и его окружения были воплощены в жизнь. Национал-социалистическая идеология туго входила в сознание многих немцев. И провозглашавшийся в Третьем рейхе на каждом шагу «фюрер-принцип», означавший безрассудное повиновение любым предписаниям сверху, не всегда влек за собой выполнения воли высших нацистских инстанций. Иногда диктатура на словах и на бумаге выглядела страшнее, чем на практике. Так, зловеще звучащая установка «Пушки вместо масла!», приписываемая то Герингу, то Геббельсу и пущенная нацистами в оборот в первой половине 1930-х годов, не находила воплощения в жизнь в течение почти целого десятилетия, вплоть до 1942–1943 гг. В сфере социальной политики фактически проводился в жизнь другой принцип - «И пушки, и масло!».

На оккупированных территориях нашей страны выполнялись не все изуверские предписания Гитлера и его ставки, что шло вразрез с «фюрер-принципом». Например, если диктатор был категорически против открытия православных церквей, закрытых ранее большевистскими властями, германские военные власти, пользуясь удаленностью прифронтовых районов от ставки фюрера, санкционировали открытие храмов и даже их освящение при участии армейского духовенства.⁵ В некоторых регионах России («Локотская республика», Псковщина, Приазовье, Воронежская область⁶) вермахт поддерживал почти толерантные отношения с местным населением.⁷ Ставка фюрера и Министерство восточных территорий не давали указаний о снижении ставок налогообложения сельской экономики России, однако такое снижение запомнилось населению многих оккупированных областей нашей страны и его потомству.

В наши дни правду говорить несколько легче, чем

⁵ А.Розенберг. Указ. соч. С.319.

⁶ Интервью автора с жителями Воронежской области в 1990-х гг.

⁷ Что, в частности, привело в крайнее раздражение Гимmlера во время его приезда на «Миус-фронт» в Донбассе в 1943 г.

двадцать-тридцать лет назад. Один из современных отечественных исследователей резонно отмечает: «Даже известные своими свирепыми взглядами руководители режима – Гитлер, Борман, Йодль или Гиммлер – должны были считаться с тем, что порой их полные фантазий концепции изменялись на низовом уровне до неузнаваемости».⁸

Национал-социалистическая диктатура по многим параметрам (по крайней мере, юридически) могла считаться еще менее правовым и цивилизованным государством, нежели Советская Россия 1930-х—1940-х годов. Трудно поэтому отрицать правомерность и даже закономерность вступления западных конституционных демократических держав в военно-политический союз с нашей страной против Третьего рейха.

В способах и темпах отмежевания послевоенного общества и государства от диктатуры наглядно раскрылись особенности менталитета двух исследованных наций – непосредственного, пылкого и непостоянного у итальянцев и более медлительного и основательного у немцев. Италия осуществила такое отмежевание, являющееся одним из необходимых условий демократического самообновления, раньше и решительнее, но амнистии деятелям и сторонникам диктатуры были проведены в ней преждевременно. Соответственно итальянский неофашизм также дал о себе знать раньше германского неонацизма. В Германии процессы политико-психологического отмежевания и демократического самообновления социума протекали в гораздо более медленных и болезненных формах.

К достижениям обеих стран необходимо отнести то, что они так или иначе подвели под свое отмежевание от тоталитаризма высокопрочный юридический фундамент. В то же время устойчивое сохранение в итальянском и германском социуме политических течений типа неофашизма и неонацизма со всей очевидностью указывает на глубокие, трудно поддающиеся политико-правовому искоренению психологические корни этих феноменов.

⁸ М.В.Шкаровский. Указ. соч. С.56, 209.